

В жизни человека, как известно, день рождения бывает раз в году, даже в песенке так поётся. А когда тебе давно уже — о-о-о! — сколько, естественно, таких дней было немало. Они всегда по-своему памятливы. Хотя, в общем, довольно однообразны. Ну, соберутся родные, придут друзья. Тепло поздравят. Одарят милыми мелочами. Вот, пожалуй, и весь праздник. И всё-таки один из дней рождения мне запомнился особенно, на всю жизнь. Прошло уже много вёсен и зим, а нет-нет, в минуты душевного спокойствия вспомнишь его — и накатит на тебя волна тёплой памяти, до мельчайших подробностей, со всеми прелестями и запахами того незабываемого дня. И после ходишь весь день в приподнятом настроении, словно крылья у тебя за спиной выросли.

Ах, почему такие прекрасные мгновения жизни мы не бережём, а всегда с запозданием с какой-то светлой грустью вспоминаем много лет спустя?

А ведь были же ещё живы те люди, что окружали тебя и любили. И ты платил им тем же. А может быть, иногда забывал делать это? Хорошо ещё, если подобное происходило по младости лет, а не в зрелом возрасте. А то бы век себе не простил.

— Завтра у Коли день рождения, — услышал я уже перед сном за перегородкой шёпот матери. (Это она говорила обо мне с отцом.) — Какой мы ему сделаем подарок?

Я напряг слух, притаился, боясь пропустить хоть слово. Что подарят родители?

— А я уже приготовил, — тихо произнёс отец.

— Что?

Последовало короткое таинственное шушуканье, из которого, как я ни силился, ничего не понял. И хорошо, что не понял! Какой же это сюрприз, если ты о нём заранее знаешь?

Так и уснул я со сладким замиранием сердца в ожидании скорого чуда. Легко сказать — скорого, когда впереди ещё долгая осенняя ночь с шорохом облетающих последних листьев и завыванием неистового ветра в таинственном нутре печной трубы!

Наутро, едва проснувшись, я сразу почувствовал под подушкой что-то твёрдое. Не то брусок, не то доска... Ну конечно же, это были шахматы. Долгожданный подарок и моя любимая игра. Как я ликовал! Прежде не раз задерживался в школе, чтобы сыграть с ребятами одну-другую партию. А теперь вот есть и свои шахматы. Играй сколько хочешь!

Услышав, что я проснулся, вошёл отец. Чинно, как и подобает мужчине с женщиной, поздравил меня с днём рождения. А потом... А потом мы начали с ним весело бороться. Ведь мы были большими друзьями. Как вам тут объяснить?.. Ну, я доверялся во всём ему, а он, в свою очередь, — мне.

Но разве поборешь отца? Он был тогда ещё не стар, и вскоре под его мускулистыми руками я бился на лопатках, как птица в силке.

— Ну, побаловали — и довольно! — сказал отец, смеясь. — Однако, силён, чертяга. Чую, крепнет твоя кость с каждым годом, — и хитро прищурившись, будто не знает, спросил: — Сколько тебе стукнуло?

— Четырнадцать.

— Бог ты мой, совсем уже взрослый парень!

А потом был чай. С пирогами. Капустными, грибными, черничными... И была улыбка мамы — какая-то грустно-виноватая, то ли от радости, то ли от навалившихся хлопот...

После чаепития и добрых родительских слов было решено сыграть в шахматы. Надо же опробовать подарок! Но вначале отец внёс загадочное предложение:

— Чур! Если наследничек выиграет эту партию, обещаю для него ещё один приятный сюрприз...

— Что ещё за сюрприз? Вечно выдумываешь что-то,— отмахнулась полотенцем мама.

До сих пор помню холодок новых костяных фигур, когда я расставлял их на полированной доске. О, это предвкушение азарта выиграть, победить во что бы то ни стало! Не помню, на восьмом или десятом ходу, но мне удалось своим чёрным ферзём сделать мат. Это получилось так неожиданно, что я и сам не поверил.

— Здорово, а, мать?! — воскликнул отец.— Смотри-ка, под орех разделал родного отца. Прямо как настоящий рыцарь «ферзя и гамбита». Нет, мы ещё сыграем.

Вторую партию уже выиграл отец. Затем снова мой реванш. Так и чередовались: то отец выиграет, то я. До самого вечера просидели мы за шахматной доской.

И тут отец сказал:

— Баста! На сегодня хватит...— и вдруг, уже обращаясь к матери: — Ты бы, Нинуль, собрала нам тёплое бельё!

— Это зачем ещё? — насторожилась мама.

— Понимаешь ли, нынче у меня выдалось два свободных дня. Да и у Коли каникулы. Вот я и подумал: не махнуть ли нам к Павлу Дмитриевичу на охоту? Заодно и стариков навестим, и для Коли как бы подарок ко дню рождения. Я уже и с Игнатом договорился. Он едет через час в Семенцово.

— Вот тебе и на,— обиделась мама, что заранее не предупредили.— На ночь глядя потащитесь!

— Ну мам! Это же здорово,— начал уговаривать я, и она сдалась.

Авскоре прямо под окнами нашего дома послышался шум мотора. Это подкатил совхозный шофёр на своём вездеходе «газике», приглушённо, словно по секрету, засигналил.

...На крыльцо вышел встречать нас Павел Дмитриевич, в высоких резиновых сапогах, в белом полушубке на опашку, с фонарём «летучая мышь». Видно, ходил посмотреть домашнюю живность, а тут и мы...

Здорово обрадовался нам дядя Павел. Обнял, провёл в дом.

— Встречай, Марфа! — захохотал басом.— Погляди, каких гостёчков я привёл тебе...

За уютным медным самоваром взрослые говорили о сельском житье-бытье, о ценах на продукты, о том, какой нынче снят урожай, какие заготовлены на зиму соленья...

— Значит, «жить стало лучше, жить стало веселей», — улыбнулся отец, вспомнив знаменитую фразу вождя.

— Оно-то так, — согласился Павел Дмитриевич, — да вот годы берут своё: лысина — огромное, а усы — короче.

— А то! — почему-то недовольно проворчала тётка Марфа, то ли в ответ на слова отца, то ли мужа.

Незаметно разговор «перепрыгнул» на охотничью тему, и я стал — весь внимание.

— Да-а, дело к зиме, — степенно говорил дядя Павел. — В ельнике полно клестов. А рябины облепили снегири и свиристели. Да и синицы жмутся поближе к человеку. Недаром старики говорят: «Синица к избе — зима на двор»... Видел наемднн в роце зайца: вытерся — побелел. Чует — к снегу.

— Вот-вот, а я о чём намекаю? — поспешил поддержать Павла Дмитриевича отец. — Самое время проветриться с ружьишком завтра по лесу...

— А что, это можно! Охота уже разрешена.

— У-у, тебе только дай разрешение. Лишь бы не сидеть дома, — не то в шутку, не то в осуждение пожурила тётка Марфа.

— Охоту тешить — не беду платить, — отмахнулся супруг. — Да и Кольке забава. Как-никак он у нас именинник!

— Ну, тогда можно, — умильно обмякла тётка.

Не зря же дядя Павел о своей жене тепло отзывался: «От неё — гроза, но от неё и милость!»

Уже лёжа на уютной и тёплой русской печи, пахнущей овчинами и соломой, под мурлыканье толстого пушистого кота Жорика — ловкого мышатника, я слышал, как дядя Павел говорил:

— Листва в лесу не часто падает — будет строгая зима, по прошлым годам помню. Зато в этом годе много зайца и тетерева. Косые так обнаглели, что уже в сад, как в столовую, стали частить. Чуть не погубили две молодые вишенки-шпанки и «белый налив». Пришлось обмотать мешковиной.

Заснул я лёгким и чутким сном под свист ветра, который, должно быть, низко клонил в саду деревья, обрывая

листву, лёгкую, пожухлую, вобравшую в себя всё летнее тепло... Ветер гремел наверху листовым железом, Жорик, пригревшийся у меня в ногах, изредка вздрагивал. Видимо, усатый не привык ещё к резкой смене погоды.

Мне снились снежинки. Крупные, как бабочки-капустницы. Они бесшумно вальсировали над землёй.

Проснулся я оттого, что кто-то усердно тряс меня за плечо. Открываю слипшиеся глаза, смотрю — дядя Павел.

— Вставай, оголец, вставай! Всю охоту проспишь.

Сон как рукой сняло. Машинально соскакиваю на пол. Отец и дядя уже собраны, тепло одеты. Улыбаются. Тётка Марфа что-то собирает в рюкзак. Должно быть, еду...

— Да не клади так много. Чай, не на весь день уходим, — замечает дядя Павел.

— Знаю, не на весь, — ворчливо соглашается тётка. — Только там, на воздухе, аппетит не как дома, волчий.

— Так-то оно так. Каравай-то уж больно большой суёшь, неподручно будет нести.

— Ничего-ничего, хлебушко сам себя в дороге несёт!

Вышли на крыльцо — и глаза словно ослепило. Светло-то как от первого снега! И когда это только он успел выпасть? Первый снег почему-то всегда появляется внезапно. Зато какая радость от него человеку. Да и зверю тоже. Вон в конуре счастливо повизгивает корноухий охотничий пёс Курок.

Пёс ещё молодой, прошлогоднего летнего помёта, ещё не натасканный как следует на охоте, но очень толковый, пояснял нам дядя Павел, когда вышли за околицу и Курок, взрывая мордой снег, вырвался вперёд.

— Первая пороша — ещё не снег, — продолжал дядя. — Когда облетит до единого желтоярая листва с деревьев, когда навалят толстенные сугробы, вот тогда держись! Считай, что настоящая зима овладела землёй. Но первая пороша для нашего брата охотника — это настоящий праздник, большая радость... Испытай себя, на что годен: не разучился ли держать ружьё, умеешь ли читать следы птицы и зверя, развести костёр, не спасуешь ли при какой неожиданности, — словом, хлебни вольной жизни охотника.

Предстоящая охота, первый снежок, видно, подействовали и на дядю, заговорил он «высоким слогом», как говаривали в старину.

Из-за синих отдалённых сопок еле угадывался в рассеивающемся тумане робкий ноябрьский рассвет. Снег, точно свежей чистой простынёй покрывший пожухлые травы и листву, слегка пружинил и хрустел под нашими сапогами: чаш-ш, чаш-ш...

Едва мы вышли в берёзовый колок, показались первые следы. Их было мало, но по свежему снегу они хорошо «читались» Павлом Дмитриевичем — отличным следопытом.

— Вот здесь пробежала лесная мышь, — объяснял он. — Видите, следы тоненькой цепочкой тянутся по опушке: за ямочками следов едва заметные полоски — это отпечатки длинного хвоста. Интересно, зачем сюда приходила мышь?

И на это у дяди Павла вскоре отыскался ответ, когда мы возле молодой липы на снегу увидели рассыпанные семеналетучки:

— Аха, значит, здесь недавно столовалась мышь!

Встретили мы следы и рябчика, и лисицы, и о каждом из них Павел Дмитриевич мог бы рассказать интересную историю. Но вот меж кустиками и кочками, между снежно блестящими берёзками потянулись незнакомые для меня «вздвоенные» следы. Они короткими прыжками уходили в сторону осинника. Дядя Павел остановился и прямо-таки по-детски заликовал:

— Есть заяц, есть! Я же говорил.

Курок, как и прежде, бежал впереди. Счастливый, молодой, бесшабашный и бестолковый. Ну и что ж, что бестолковый? Он ведь только учится. А кому сразу давалась наука? Никому!

Развиднялось. Синева висела глыбами между голыми сучьями, припорошёнными снегом. Дышалось глубоко, и парок от приятно отвердевших холодных губ относил ветерком в сторону, отдавая то левую, то правую щёку своим же теплом. Пахло по-утреннему молодо и свежо первым снегом и берёзовой корой.

Вспомнилась любимая отцова поговорка: «Врач лечит, а природа исцеляет».

Одну-единственную шестнадцатикалиберную двустволку в честь именинника Павел Дмитриевич доверил мне. Это была большая честь. Конечно, мне и раньше доводилось охотиться с отцом на водоплавающую дичь — уток,

болотных курочек, а вот по зайцу пришлось идти впервые. Почётно это и ответственно. Как бы неверным выстрелом не опростоволоситься перед взрослыми! Вроде как экзамен. Смотрю внимательно кругом, стараюсь идти укывом.

Но где же Курок? А-а, вон, в балке! Трусит, уткнувшись своими гляделками под лапы. Видно, учуял косога.

— Взял-таки след. Я ж говорил: молодчина! Балка выходит к широкой поляне. Туда Курок и погнал беляка. Будь зорче! — наставляет дядя. — Беги наперерез, загребай правее — и аккурат выйдешь на поляну, опередив косога.

Я сделал так, как посоветовал Павел Дмитриевич. И вот с бьющимся от волнения сердцем стою у небольшой припорошённой лещины. Ветер встречный, но это не столь уж сейчас важно. Гон по чернотропу прямо идёт в мою сторону. Я весь собран, наготове. И вот долгожданная минута. На поляну свечой выскакивает заяц. Заметив меня на противоположной стороне, он, словно в стоп-кадре, на секунду замирает. И я вижу отчётливо на застывшей «золотой» мушке всю чуть подавшуюся вперёд фигурку зайца-беляка, чуть дрожащие то ли от ветра, то ли от неожиданной встречи высоко поднятые уши. Всё словно в тире. «Вот она, мечта охотника на расстояние желанья», — ликую я и плавно нажимаю на спусковой крючок. Гагахнуло.

И пока эхо катится по заснеженным оврагам, берёзовым колкам туда, к развидневшимся холмам, я уже держу в руках свой первый трофей. Ещё тёплый, но до чего же тяжёлый!

Через минуту показывается запыхавшийся Курок. От морды его валит пар. Он счастливо повизгивает и старается схватить за задние лапы косога. Но я не позволяю.

Вслед за псом подоспели мои взрослые спутники.

— С полем! — горячо поздравил отец.

— Ого, — прицокнул языком дядя Павел, подкинув на руке зайца. — Тут не меньше восьми фунтов!

Действительно, беляк великолепен. Хорошо вылинявший, снежно-белый, под стать первому снегу.

— Надо бы подушечки снять и отблагодарить Курка по доброй охотничьей традиции, — посоветовал отец.

Но пса поблизости уже не оказалось. Он где-то шарил по кустам. И не замедлил снова заявить о себе густым лаем.

— Рано возиться с подушечками,— сказал дядя Павел.— Курок взял новый след! Давайте, друзья, оставив здесь рюкзак и зайца, а сами — вперёд! Никуда он не денется.

Сказано это было так твёрдо, что мы тут же выполнили команду. Бросили возле осинового пенька рюкзак, а на него — зайца.

И хорошо, что мы тогда не сняли с зайца подушечки! А почему хорошо, расскажу дальше.

И вот мы втроем спешим лёгкой рысцой вслед за собакой. — Эх, жаль, нет второго ружья! — сетует отец, который сам же договорился с дядей не брать другие ружья, чтобы не «помешать» мне.

— Ничего, одним хорошо обойдёмся,— успокаивает оптимистично Павел Дмитриевич.— Верно говорю, Колюня?

Я кивнул, честно говоря, не поняв сути вопроса, потому что был поглощён другим — страстью преследования, охотой.

И кто только выдумал это занятие? Ну ладно — пещерные люди, кому охота была единственным средством существования. Но что гонит нас, людей двадцатого века? Вроде бы и сыты, и обуты, и живём худо-бедно в достатке-тепле... Ах, наверное, этот — как его? — древний инстинкт наших прапрапрародителей, друживших с мотыгой и копьём...

Гон всё ближе и ближе. Азартный, захлёбывающийся лай Курка. Видимо, он наступает на пятки зверю. Ещё несколько минут — и всё решится. Взрослые несколько поотстали. У меня как-никак второй юношеский разряд по лёгкой атлетике, и мне не раз приходилось участвовать в соревнованиях. Но и то сердце колотится чуть ли не у самого горла, а в висках стучат молоточки. А тут ещё на ум пришло странное слово: «Ди-а-на», «Ди-а-на»!.. Что за чертовщина? Откуда оно? А, вспомнил! Из учебника истории. Ди-а-на, Ди-а-на... Мифическая богиня охоты.

Но вот колокол обрывается. Впереди белая пустошь. Место удобное, оглядистое. Вижу, как Курок гоняет кого-то вокруг трёх берёзок. Останавливаюсь, перевожу дыхание. Поднимаю ружьё дрожащими руками (сказался бег) и в сильном волнении спускаю крючок... Ба-ба-бах! — прокатилось эхо. Какое-то шестое чувство подсказало, что промазал. Так и есть. Заяц скрылся в чертополохе дальних посадок.

Пёс, видимо, тоже до смерти замотанный погоней, подбежал ко мне и виновато завил хвостом, будто промазал не я, а он.

«Э-эх, мазила!» — в сердцах поругал я себя.

А заяц, не будь дураком, уже юркнул в овраг, густо поросший мелким кустарником. Ищи теперь ветра в поле. А наш бедный глупый Курок, вместо того чтобы преградить узкий лаз в овраг, кинулся прямо в поле. В общем, оба мы сплеховали.

Через минуту-другую подоспели взрослые. Как им смотреть в глаза? Стыдно! Но нужно признаваться.

Однако взрослые всё поняли и без слов.

— Ничего, — приободрил отец, заметив, что я расстроился. — На охоте случается всякое!

— Не подряд же щёлкать зайцев, — пошутил дядя Павел. — Надо и честь знать. Один есть — и хватит.

Обратно к оставленным вещам возвращались медленно, сказала усталость. Даже Курок не забегал далеко, старался держаться ближе к нам...

Знай я в те минуты, да и взрослые тоже, что ожидает нас, мой неудачный выстрел показался бы пустячком.

Вот и знакомая поляна. Берёзки. Осинный пенёк. Возле него наш рюкзак. Но где же мной добытый заяц? Мы недоуменно переглянулись. Осмотрели все кусты, ложбинки. Нет зайца. И тут дядя Павел, опытный охотник, более внимательно осмотрев поляну и что-то, видимо, сообразив, вдруг громко и заразительно расхохотался.

— Ты чего это, Павел? — удивился отец.

— Убежало именованное жаркое!

— Да ты шутишь, что ли? Или того?.. — отец с досады почертил пальцем у виска.

— Понимаете ли, — отсмеявшись, стал объяснять Павел Дмитриевич, обращаясь то к отцу, то ко мне, — со мною уже подобное случалось в юности. Подстрелил я вот так же русака и оставил лежать. Куда, мол, он денется? А сам ходу дальше. Когда же вернулся, смотрю — а зайца нет. Не сразу понял тогда, в чём дело. Видимо, косога задела всего несколько дробинок и привели в шоковое состояние. Я-то думал, что наповал, а он ожил — и в кусты. Редчайший случай, но, как видите, бывает!

Мы с отцом ещё раз недоуменно посмотрели друг на друга и тоже вдруг дружно и весело расхохотались.

Тут же, на поляне, решили перекусить. Взрослые выпили из солдатской фляжки по несколько глотков спирта. И, конечно, их тост был за охоту и мой день рождения, с хорошим пожеланием дяди, чтобы жизнь моя была «долгой и в радость». А отец добавил:

— Не забывай, сынок, мудрую китайскую поговорку, что даже жизнь столетнего — это всего тридцать шесть тысяч дней!

И куда только делся тот большой каравай вместе с луком и шматком доброго сала, которое само так и таяло во рту? Права всё-таки оказалась заботливая тётка Марфа! Я жадно жевал ароматные ломти хлеба, и мне почему-то, честное слово, нисколько не было жаль, что заяц ожил и убежал. Пожалуй, даже рад был этому. И ещё тому, что мы не успели отрезать ему подушечки. Как это — резать живого? И потом, как бы без них спасся косой?

А Курка можно угостить и салом. Вон как аппетитно жуёт коричневую корочку! Только мерное урчание слышится из его утробы.

— Для большой фауны природа придумала в реке — щуку, в лесу — волка, в небе — орла, — философствовал дядя Павел и пошутил: — А для начинающего охотника (имея в виду меня!) — зайца. А если сурьёзно: охота, она на то и охота, что готовит разные сюрпризы. Тут главная задача состоит не в том, чтобы убить дичь, но и проверить себя на смекалку. А если надо — и на доброту. И тогда охота одарит тебя — и силой тела, и бодростью духа. А это в наше время ох как важно!

— Это верно, это так, — поддержал отец.

Я внимательно слушал взрослых, повидавших немало на своём веку, а сам думал, как прекрасно устроен этот мир с его бескрайними просторами, с его задумчивыми берёзовыми колками и ослепительным первым снегом. Повсюду может таиться радость и тихая печаль. Только во всём этом нужно разобраться самому и понять не посторонним прохожим, а чутким ко всему сыновним сердцем.

Короткий осенний день догорал. Я стал взрослее на один день. Остро пахло полыньёю, обожжённой заморозком. И этот запах будет вспоминаться всю жизнь, где бы ты ни был, кем бы ты ни был...